

ПРИНЦИПЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

О. А. Егорова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье рассматриваются вопросы, связанные со значением и ролью принципов исследования в юридическом познании. Автор дает характеристику различных форм научных правовых исследований. Раскрывая специфику историко-правовых исследований, автор показывает значение и функции принципа объективности и принципа историзма как всеобщих принципов научного познания. Автор аргументировано доказывает, что к основным логическим принципам в юридическом познании относятся законы традиционной формальной логики, разработка которых осуществлялась в классической античной философии Аристотелем. Среди логических законов, которые могут применяться в правовом познании, рассматриваются законы тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания. В статье показано, что в правовых исследованиях основные законы логики служат в качестве логических оснований познания, выполняя функцию объективного исследования, а также как методологические принципы познания выступают в виде философских оснований рационального познания права. Особое внимание уделено рассмотрению роли основных законов логики в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном юридическом познании. Автор приходит к выводу о том, что всеобщие принципы познания, применяемые в историко-правовых исследованиях, и основные логические законы, используемые в правовых исследованиях, выполняют гносеологическую и методологическую функцию в юридическом познании.

Ключевые слова: *юридическое познание, формы правовых исследований, историко-правовые исследования, всеобщие принципы научного познания, основные законы логики, основания познания.*

В современных правовых исследованиях отмечается, что «юридическая наука, призванная способствовать рациональной организации, упорядоченности и урегулированности общественной жизнедеятельности, не может интенсивно развиваться без познания себя, без методологии исследования своих объектов», поэтому одно из направлений развития теоретико-правового знания «связано с его рефлексивным анализом, исследованием логических основ мышления субъектов юридической деятельности, уровней и пределов методологии и познания права, ценностных аспектов и т.д.» [60; 10, с. 18].

Недостаточность взаимосвязи между теорией познания и правовой наукой обуславливает необходимость «исследования общих закономерностей, принципов и понятий юридической науки», так как «юриспруденция должна иметь прочные рациональные основания» [10, с. 4; 46, с. 14]. Всестороннее изучение принципов познания как оснований научной рациональности осуществляется в современной философии и методологии науки [50;

52; 56; 59]. Философские принципы и категории относятся к философским основаниям науки, служат «основаниями научного поиска, обосновывают идеалы и нормы, онтологические постулаты науки и обеспечивают включение научного знания в культуру, выполняют эвристическую функцию» [50, с. 330–331]. Впервые исследование принципов познания было осуществлено в классической античной философии в связи с переходом от мифологического к теоретическому рефлексивному способу мышления и понимания, ставящему задачу выявить средства познания. При этом характерными чертами рационального познания были, во-первых, направленность познания на поиск общего принципа в существовании многообразных вещей и явлений как «закона возникновения всего единичного», постижение разумом необходимых связей и отношений вещей как всеобщего «логоса мира и одновременно топоса речи, языка, имеющего свои законы, рационально познаваемые» [37, с. 693; 41, с. 93]. Во-вторых, в противоположность учениям

софистов и скептиков, обосновывавших субъективность и относительность всякого знания, осуществлялся поиск объективных оснований и критериев знания в учениях Сократа, Платона и Аристотеля. В этой связи исследовались формы, понятия, идеи, принципы и категории как рациональные теоретические конструкции, с помощью которых постигается сущность как объективное истинное знание. Поэтому в античности была заложена фундаментальная установка на исследование принципов как вне опытных, «объективных истинных оснований бытия и познания, постигаемых разумом как универсальной духовной способностью человека» [59, с. 803]. Среди универсальных принципов рационального теоретического познания в античности разрабатывались «принцип объективации и принцип понятности», а также законы логики признавались «наиболее ясными и очевидными принципами бытия и мышления» [41, с. 117–118; 59, с. 807].

При рассмотрении юридического познания надо учитывать, что наука существует как «универсально культурный вид знания и деятельности, тип сознания, мышления и работы, который вырабатывает представления общие для человеческого разума» [41, с. 114], а «знание науки о праве предполагает понимание роли науки вообще в жизни людей, общества и государства» [60], поэтому необходимо указать специфику юридического познания. Во-первых, научное юридическое познание осуществляется «в целях формирования теоретических знаний о государстве и праве, раскрытия закономерностей функционирования и развития государства и права, развития и совершенствования знания правовой науки»; во-вторых, «в практическом плане правовое познание осуществляется в целях решения конкретных проблем правотворческой, правоохранительной или правоприменительной деятельности» [52, с. 207–208]. Юридическое познание ведется рациональным путем с применением понятийно-категориального аппарата, совокупности принципов и методов познания права и может осуществляться в различных видах исследований: теоретических, историко-правовых, методологических, эмпирических, прикладных. Поэтому актуальным является исследование темы принципов юридического познания, в связи с чем в данной работе

поставлена цель выяснить значение и роль принципов познания, применяемых в историко-правовых исследованиях, а также принципов (основных законов) логики в рамках методологических исследований в праве, которые применяются в юридическом познании и практике.

1. Общая характеристика, специфика и принципы историко-правовые исследований в юридическом познании.

В юридическом познании существуют историко-правовые исследования, среди которых выделяются история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история политических и правовых учений. С. С. Алексеев подчеркивал, что «исторический подход при изучении права позволяет конкретизированно рассмотреть общие закономерности его развития, выявить особенности становления и развития отдельных правовых систем» [2, с. 479]. Характеризуя связь истории и права, Д. А. Керимов отмечал, что «познание права предполагает определение того, как оно возникло, какие этапы прошло и как изменилось в процессе этого развития, чем стало в момент своего исследования и каковы тенденции его развития» [29, с. 109]. Ученые отмечают двойственный характер природы историко-правовых наук, что обуславливает их «значительный потенциал и конструктивные комбинации в исследовательской деятельности» [9, с. 6]. Необходимо учитывать тесную связь исторических исследований с теорией права, поскольку в ней изучаются общие закономерности развития государства и права и вырабатывается «система общеправовых понятий и категорий, которые широко используются в истории государства и права» [22, с. 10]. Исследования истории государства и права имеют предметом своего изучения конкретные государственные и правовые системы, а также развитие и историческую смену типов и форм государственно-правовых систем и учреждений. История политических и правовых учений познает не возникновение и развитие государственно-правовых, политико-правовых учреждений и институтов, а «историю идей о них в форме политических и правовых воззрений мыслителей прошлых эпох, которые достигли уровня целостной и завершенной системы взглядов, формулирующей закономерности разви-

тия государства и права» [44, с. 22].

Необходимость изучения исторического опыта в познании права, как отмечает профессор Г. Т. Камалова, обусловлена тем, что «одной из узловых проблем развития правового государства становится развитие и совершенствование правовых механизмов обеспечения государственной власти и устройства гражданской жизни» [28, с. 12]. В ее диссертации подчеркивается значимость изучения истории правоохранительных органов государства, которая «помогает совершенствовать их организацию и деятельность, не только обогащает наши знания, но и позволяет избежать многих ошибок прошлых лет», «содействует лучшему пониманию как прошлой советской государственности и ее институтов, так и подлинного содержания современных политических и правовых процессов, закономерностей и тенденций их развития» [27, с. 3]. Исследования по истории правоохранительных органов Урала, следственного аппарата, адвокатуры, а также истории государства и права России в целом представлены в ряде работ Г. Т. Камаловой [24, 25, 26, 27, 28]. Исследованию истории Челябинского областного суда посвящена работа коллектива уральских авторов А. П. Абрамовского, В. С. Кобзова, Е. А. Вериги [1]. В трудах по истории отечественного государства и права профессор О. И. Чистяков отмечал, что «специфика историко-правовых исследований заключается в исследовании права в его историческом развитии (право в динамике), в то время как отраслевые юридические науки изучают действующее право (право в статике)» [57, с. 80–81]. М. Ф. Владимирский-Буданов в фундаментальном труде «Обзор истории русского права» подчеркивал, что «предметом истории права должны быть не только нормы государственного права (государственного устройства, управления, законодательства)», но также «нормы частного права, а равно нормы, охраняющие и то и другое (уголовное право и процесс)» [12, с. 14]. Г. Ф. Шершеневич, обосновывая необходимость исторического исследования гражданского права для понимания и применения его норм, видел его задачей не только «выяснение исторического развития национальных институтов», но считал, что «оно составляет необходимое, предварительное условие для систематического изучения права и для критики его с точки зрения законодательной политики» [58, с. 16–18].

Исторический подход в исследованиях в сфере уголовного права и процесса прослеживается в диссертации Е. В. Евстратенко, где рассмотрено развитие российского и зарубежного уголовно-правового законодательства о свидетелях и потерпевших [17]. В работе Д. А. Гарбатовича, А. Н. Классена исследуются непроступные деяния в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [14]. В монографии Г. И. Загорского, Ю. А. Зюбанова, посвященной 1000-летию Русской Правды, отмечается, что обращение к истории права позволяет увидеть «истоки российского судостроительства и судопроизводства, чтобы взять все положительное и избежать ошибок, которые, к сожалению, также имели место», «пригласить к научной дискуссии по широкому кругу вопросов и институтов права» [18, с. 6–7].

Таким образом, рассмотрев общие черты и специфику историко-правовых исследований, ряд научных работ, связанных с историческим подходом в познании права, далее мы дадим характеристику основных принципов познания, применяемых в исторических исследованиях права.

Рассмотрение принципов исторического познания права предполагает выход к философии и методологии науки, вырабатывающей ряд философских, общенаучных и специальных принципов для достижения исторической истины. Их использование является «основой изучения истории, механизмом адекватного воспроизведения действительности» и обеспечивает «понимание развития права и государства как единых закономерных процессов» [19, с. 14–15; 48, с. 23]. Приведем наиболее значимые общеправовые принципы, применяемые как теоретические основания историко-правовых исследований.

Принцип целостного познания мира, подразумевающий «совокупность отношений и связей между обществами, государствами, социальными общностями, индивидами и т.д., с исторической точки зрения предполагает исследование частного, единичного и общего (индивида, социальной группы и государства, нации, исторической эпохи)» [19, с. 20].

Принцип индивидуализации, указывая на специфику объекта гуманитарного знания, связанную с единичным и неповторимым в деятельности человека, «полагает, что историческая наука излагает действительность, которая никогда не бывает общей, но всегда

индивидуальной» [19, с. 20–21]. Но абсолютизация данного принципа приводит к утверждению ненаучного характера истории, к отрицанию общих принципов и критериев исторического познания права. Поэтому с целью выяснить общее, закономерное, тенденции в истории развития государства и права в историко-правовых исследованиях применяются общеправовые принципы: принцип объективности и принцип историзма.

Анализ философской литературы показывает, что принцип объективности предполагает рассмотрение «в качестве объекта того, о чем возможны рациональные высказывания как общезначимые, поддающиеся доказательству, аргументации, установлению как истинные или ложные» [41, с. 116–117]. Объективность в познании понимается как «независимость суждений, мнений, представлений от субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений и означает способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта» [55, с. 596]. Рассмотрение принципа объективности в теории познания связано с проблемой обоснования знания, поэтому, в отличие от обыденного познания, в научном познании ссылка на общее мнение и авторитет не может быть обоснованием объективности результатов, получаемых исследователями. Объективность «должна быть обязательно доказана, сама процедура проверки тоже должна соответствовать тем критериям ее объективности, которые применяются в профессиональной среде, эмпирические данные становятся «фактами науки» и приобретают статус объективного знания только пройдя многократную проверку, а также необходимо описать условия, при которых факт был обнаружен» [59, с. 645].

В историческом познании права принцип объективности предполагает всестороннее изучение объекта историко-правового исследования, учет совокупности всех доступных положений, использование адекватных научных методов получения информации как условие получения достоверных знаний. Ученые отмечают ряд трудностей, связанных с объективностью в историко-правовых исследованиях: «Во-первых, объект знания неисчерпаем, что заставляет говорить только о приближении к истине, во-вторых, сам про-

цесс научного поиска субъективирован личностью ученого, взгляды которого формируются под воздействием множества условий и факторов, что отражается на его авторской позиции» [26, с. 58–59]. В-третьих, объективное исследование затрудняют «попытки направить ученых по пути приспособления науки к интересам той или иной общественной группировки, но помочь обществу в решении его проблем могут исключительно объективные данные» [57, с. 62]. Рассматривая принцип объективности в историко-правовом познании, следует указать, что интерес к проблеме соотношения между познающим субъектом исторического знания и познаваемым объектом (изучаемой исторической действительностью), поставленной еще в XIX веке, прослеживается в научно-философских работах современности [19; 48; 56]. При обсуждении философско-методологических проблем исторического познания Б. И. Пружинин отмечал, что в отличие от объективной стороны познания, которую обеспечивает метод, субъективная сторона в историческом знании связана с выходом к «ценностным установкам, из которых исходит автор той или иной исторической реконструкции», А. В. Хвостова указывала на актуальность проблемы «соотнесения выводов с реальностью при постановке проблемы истины и объективности в истории» [56, с. 44–45]. В работах И. Ю. Замчаловой, К. Я. Сигалова подчеркивается необходимость единства объективного и субъективного аспектов, чтобы познать «сущность исторического процесса и понять развитие государства и права» [19, с. 14; 48, с. 24].

К основным принципам историко-правового исследования также относится принцип историзма. Как указывается в фундаментальном исследовании «Эпистемология и философия науки», «историзм – философский принцип, требующий рассматривать любое явление в его возникновении, развитии и изменении», он связан с «проблемами критериев объективности исторического знания, общественной значимости исторического познания, а также методологии исторического познания» [59, с. 331–332]. Начиная с XIX века принцип историзма стал пониматься как «рассмотрение действительности под историческим углом зрения», с ним связано понятие «критики исторического разума», а его важнейшим требованием стало «последова-

тельно рассматривать предмет в развитии, противопоставляя друг другу разные моменты и уровни исторического движения» [59, с. 331]. В трудах В. Ф. Владимирского-Буданова выделялись основные начала исторического подхода к праву: «последовательность исторических явлений (которые находятся в генетической связи между собой, в последовательном порядке сменяют друг друга); постепенность исторических явлений; солидарность или взаимодействие исторических явлений (существует известная гармония явлений общественной жизни, а потому изменения в одной области явлений отражаются на других областях)» [33, с. 24–25]. При рассмотрении принципа историзма в современной науке Г. Т. Камалова подчеркивает: в сфере историко-правового познания «исследование проблемы с позиций историзма является обязательным условием научного познания», «последовательное осуществление принципа историзма позволяет приблизиться к объективной картине прошлого, где поступки людей и деятельность социальных групп и институтов приобретают логику и смысл своей эпохи» [27, с. 3; 26, с. 54]. Применению принципа историзма в правовом аспекте посвящена работа Г. З. Мансурова, где принцип историзма признается важным элементом научного инструментария, понимается как «способ изучения общественных явлений в их динамике и в связи с условиями, сложившимися в конкретный период истории в конкретном государстве» [42, с. 14].

Кроме того, в историко-правовом познании применяется принцип детерминизма, который требует исследовать «сложный характер возникающих причинно-следственных связей между историческими явлениями; понимать, что в историческом процессе могут существовать различные возможности социальных изменений, как детерминированные сложной и противоречивой структурой взаимодействий социальных групп, учреждений, институтов общества; учитывать вопрос свободы воли человека» [26, с. 59].

Таким образом, анализ работ, связанных с рассмотрением принципов исторического познания права, позволяет сделать вывод, что в историко-правовых исследованиях в качестве теоретических оснований познания могут применяться принципы: целостного познания мира, индивидуализации, объективности, историзма и детерминизма. Для того чтобы рас-

крыть принципы (основные законы) логики в юридическом познании, необходимо охарактеризовать специфику и структуру методологии правового познания и выявить основные законы логики в структуре методологии права.

2. *Методологические исследования в юридическом познании. Принципы (основные законы) логики в юридическом познании.*

Рассматривая методологические исследования в праве, С. С. Алексеев отмечал, что суть методологии состоит в том, что «теоретические положения, имеющие общее методологическое значение, сразу же выводят исследователя на определенные исходные позиции при решении вопросов метода науки, позволяют выработать эти решения на базе устойчивых, принципиальных начал» [2, с. 711]. Д. А. Керимов определял методологию правовой науки в ее связи с теорией права как «учение о путях, принципах и методах построения и практического применения этой теории» [29, с. 79]. Специфика методологических исследований в праве, как указывается в работах С. С. Алексеева и В. М. Сырых, состоит в том, что объектом их исследования является юридическая наука как деятельность по производству и организации объективного, достоверного, обоснованного, проверяемого знания о государстве и праве, закономерностях процесса познания права, а результатами этих исследований является «знание особенностей и закономерностей научного познания государства и права, выражающихся в категориях ее предмета и метода, методологические нормы и принципы научного юридического познания» [4, с. 18–19; 52, с. 217].

Методология права, как познавательный базис всей системы научного юридического знания, объединяет ряд компонентов, органически связанных между собой: это не только система методов, но и учение о них, не только определенная мировоззренческая позиция исследователя, но всеобщие философские принципы, не только общенаучные, но и частнонаучные методы познания права. Поэтому в структуре методологии правовой науки выделяется несколько уровней. Во-первых, уровень философской методологии «дает общие методологические установки и общее направление для научного исследования; используется во всех конкретных науках и на всех стадиях научного познания» [2, с. 722; 52, с. 96]. Он включает всеобщие принципы, методы и

категории научного познания (принципы объективности, познаваемости мира, принцип историзма, законы логики, метод диалектики и др.). Во-вторых, уровень общенаучной методологии включает принципы, формы и методы исследования, используемые во всех науках, но сфера их применения «ограничивается решением определенных познавательных задач: анализ, синтез, абстрагирование, системно-структурный подход, восхождение от абстрактного к конкретному» [52, с. 96]. В-третьих, частнонаучный уровень методологии «применяется в процессе познания специфики отдельного объекта» в пределах правовой науки, включает «метод толкования права, сравнительный правовой метод, методы, обеспечивающие получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, а также логические методы, обеспечивающие процесс познания» [29, с. 86; 52, с. 96; 2, с. 735–736; 4, с. 23–24]. Кроме того, для познания политико-правовых явлений используются «специальные методы, разработанные в неюридических науках: статистические, конкретно-социологические, математические и др.» [52, с. 96].

Таким образом, рассмотрение общей характеристики, специфики и структуры методологии правового познания позволяет установить, что методология права объединяет совокупность принципов, средств и методов познания, выработанных различными общественными науками, и что основные законы логики относятся к уровню философской методологии в юридическом познании. Но недостаточность рассмотрения принципов познания в правовой методологической литературе обуславливает необходимость обращения классической античной философии, где впервые была разработана тема принципов познания и исследованы основные законы логики.

Ранее указывалось, что в античности поиск принципов в качестве средств рационального теоретического познания, направленных на постижение сущности как объективного истинного знания, был основной задачей познания. Особенностью античной философии стал путь словесно-рационального познания, поиск всеобщего «логоса (порядка) мира и одновременно топоса речи, языка, имеющего свои законы, рационально познаваемые», поэтому, в отличие от восточной традиции, мы

находим в античности такой «взлет в развитии логики» [41, с. 93–94; 40, с. 122–124]. В итоге, в античности было заложено понимание принципов разума в качестве объективных истинных оснований бытия и познания, а характерной чертой познания стал рационализм. В исследовании К. С. Эвангелиу отмечается, что «как познавательное понятие (концепция), широко работающее в современных теориях познания и эпистемологии и обсуждаемое в истории западной философии, рационализм является противоположностью эмпиризму и интуиционизму. Он двигается от всеобщих, самоочевидных и аксиоматических принципов к выводам, которые следуют необходимо из этих принципов» [61, с. 18].

Принципы в античной философии мыслились как основания, начала или причины понимания и исследования материального и нематериального мира. Выдающийся исследователь античности А. Ф. Лосев отмечал, что в качестве принципа (*arche*) разума понималось «такое общее понятие, которое является для соответствующего множества вещей их порождающей общностью, методом, законом, программой и правилом возникновения, их регулирующей структурой и основой решения поставленной проблемы», а у Платона «термин «принцип» мыслится также как «начало движения» или «начало исследования», «исходные основания» «рассуждения» [37, с. 524–525]. В этом смысле Платон ввел идеи как рациональные структуры предметов и впервые заложил «философские основы принципов объективации и понятности» [41, с. 117–118]. В труде Аристотеля «Метафизика» принципы мыслились как первые начала, на основе которых вещи существуют, возникают или познаются, и указывалось шесть значений термина «принцип»: «исходный пункт движения», «наиболее целесообразная отправная точка», «материальная основа вещи», «внешняя причина возникновения, изменения и движения вещи», «усмотрение, определенный ход дела», «предпосылки, лежащие в основе познания предмета» [6, с. 145]. В то же время «принцип есть то, что направляет в форме общей или конкретной осмысленности, некоторого рода смысловая заряженность, смысловой зародыш, смысловая потенция» [37, с. 526]. Рассматривая ведущую роль принципов в процессах познания и воспроизводства знания, Аристотель исследовал

исходные всеобщие основания науки, рационально постигаемые диалектическим путем в ходе диалогического обсуждения, начала отдельных наук и законы логики как принципы правильного доказательного мышления, применимые ко всем наукам.

Заслуга Аристотеля состоит в том, что, мысля логику как «определяющее звено, которое соединяет философию с науками», отделив логическую форму мышления от содержания, он исследовал логические элементы познания, доказательство и «раскрыл значение законов мышления с точки зрения логики и логического анализа языка как средства мышления» [49, с. 149; 23, с. 41]. Согласно Аристотелю, законы логики есть общеобязательные начала (основания) познания объективного характера, выступающие условием достоверности научных изысканий и выводов. Они имеют «общечеловеческое значение и должны всегда соблюдаться в каждом споре, предпринимаемом с целью выяснения истины» [47, с. 41]. Он выделил четыре основных закона логики: закон тождества («всякое понятие тождественно самому себе»), принцип непротиворечивости («никакое высказывание не может быть истинным и вместе с тем ложным»), принцип исключенного третьего («любое высказывание таково, что истинно либо оно само, либо его отрицание») и закон достаточного основания [36, с. 125–126]. В. Ф. Асмус указывал, что поскольку правильному мышлению присущи черты определенности, последовательности и доказательности, то «закон тождества характеризует определенность мышления, закон противоречия, закон исключенного третьего – его последовательность, закон достаточного основания – его доказательность» [7, с. 14].

Закон тождества устанавливает, что «всякое понятие и суждение должны быть тождественными самим себе, должна быть устойчивость, определенность и однозначность мысли в процессе рассуждения и вывода» [31, с. 597; 15, с. 17; 43, с. 113]. В законе тождества Аристотель подчеркнул неприемлемость неопределенности и многозначности в речи и рассуждениях, выдвинул требование точности в понимании понятий посредством фиксации значений слов, реализуя линию Сократа и Платона о роли языка в познании. Закон противоречия гласит: «Невозможно, чтобы противоречащие утверждения были вместе истинными по отношению к одному и тому же

предмету» [6, с. 141]. А. С. Ахманов указал на следствия, вытекающие из начала запрещения формального противоречия: «Противоположные определения не могут совмещаться в одной и той же вещи», а «суждения, находящиеся в отношении утверждения и отрицания одного и того же, не могут быть вместе истинными» [8, с. 141]. Закон исключенного третьего гласит: «Не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, противоречащими [друг другу] суждениями, а относительно чего-то одного необходимо либо утверждать, либо отрицать» [6, с. 141]. Смысл данного закона (А есть либо В, либо не В) заключается в том, что «из двух противоречащих друг другу высказываний по одному и тому же вопросу, в одно и то же время, в одном и том же отношении одно непременно является истинным» [31, с. 213]. Законы противоречия и исключенного третьего мыслились Аристотелем как общие закономерности познания (аксиомы), поэтому «к рассуждению и доказательству следует приступать, уже будучи знакомыми с этими аксиомами» [38, с. 58–59]. Закон достаточного основания утверждает: «Всякая мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. Если есть В, то есть его основание А» [31, с. 163]. Формулировка закона приписывается Лейбницу, но прослеживая развитие логических идей в античности. П. С. Попов, Н. И. Стяжкин отмечали, что уже «Аристотель предполагает различать закон причинности в отношении действительности и закон достаточного основания как основание человеческих рассуждений» [47, с. 46]. Позднее в трудах М. В. Ломоносова также утверждалось: «Ничто не происходит без достаточного основания» [31, с. 163].

Таким образом, Аристотель исследовал законы логики как принципы рационального познания, выражающие «общие требования, которым должны удовлетворять наши рассуждения и логические операции с мыслями, если мы ставим цель постигать истину рациональными средствами» [21, с. 192]. В. Ф. Асмус отмечал, что в отличие от норм как правил или предписаний, которые диктуются или устанавливаются законодателем или некоторым лицом, законы логики «не выражают ничьих предписаний, это подлинные законы, которые присущи всем действиям правильного мышления» [7, с. 14–15]. Если сформулированы предписания (нормы), соответствующи-

щие логическому закону, то их источником является обусловленность мышления свойствами объективно существующего мира. В итоге можно сформулировать: «Логический закон – это внутренняя, существенная, необходимая, универсальная связь между элементами мысли: понятиями, суждениями, умозаключениями и другими абстрактными объектами. В логических законах отражены устойчивые черты внутренней структуры мыслительного процесса; это законы правильного мышления, а не законы самих вещей и явлений мира» [36, с. 125; 43, с. 111; 15, с. 146]. Значение законов логики указывается в работах В. В. Соколова, А. Д. Гетмановой, Ю. В. Ивлева, Н. В. Михалкина и др.: разработка законов логики «стало фундаментом доказательного рассуждения, системы строго доказательного знания», так как они «выступают в качестве принципов правильного рассуждения в ходе доказательства истинных суждений и теорий и опровержения ложных»; законы логики являются одним из «условий, определяющих истинность наших знаний в пределах логической формы, а не содержания мысли, это законы структурной связи элементов мысли между собой»; «принципы логики в совокупности с методами и приемами формальной логики играют роль общей методологии познания» [49, с. 149; 15, с. 147; 43, с. 112; 21, с. 190]. В юридическом познании могут применяться закон тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

Исследуя закон тождества в юридическом познании, укажем, что он требует, чтобы в процессе рассуждения и вывода всякая мысль или понятие о предмете были определенными и сохраняли однозначность на протяжении всего рассуждения и вывода. Нарушение закона тождества в сфере познания права связано с двумя основными типами ошибок: подмена понятий и подмена тезиса.

Рассматривая подмену понятий, ученые указывают такие виды ошибок, как «эквивокация» (*equivocation* – англ.: двусмысленность, омонимия) и «логомахия» (греч.: «логос» и «махе» – спор), которые связаны с явлениями двусмысленности и многозначности слов в рассуждениях, высказываниях, выводах и спорах [31, с. 679, 320; 43, с. 114]. Специфика ошибки «амфиболии» (греч.: двойственность, двусмысленность), которая может

встречаться в юридическом познании, заключается в том, что грамматическое выражение допускает двоякое, иногда противоположное по смыслу толкование (например, «Казнить нельзя помиловать») [31, с. 34]. Учитывая, что эти ошибки могут носить преднамеренный и произвольный характер, в учебной и научной литературе приводятся многочисленные примеры подмены понятий, отмечаются их негативные последствия в юридическом познании и практике. Например, в случае рассуждения: «Все законы объективны. Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ – это законы, значит, Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ объективны» – ошибочный вывод возникает вследствие двусмысленного употребления термина «закон» в его общенаучном значении и в специальном юридическом смысле («закон как объективное, устойчивое, повторяющееся и необходимое отношение между предметами или признаками одного предмета» и «закон как нормативное предписание или юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением населения, и регулирующий поведение людей и общественные отношения») [59, с. 242; 11, с. 232]. В работе В. И. Кириллова, А. А. Старченко отмечается, что, учитывая многозначность термина «штраф», необходимо точно указывать его значение при употреблении в правовом контексте: «в уголовном праве словом «штраф» обозначают меру наказания, предусмотренную Уголовным кодексом, а в гражданском праве термином «штраф» обозначают меру административного воздействия» [30, с. 16–17]. Пример ошибки амфиболии в судебной практике приводит Н. В. Михалкин: «Судебное разбирательство позволило установить, что обвиняемый передал для незаконного дубления кроме шкуры своей собственной, телячьей, также шкуру своей тещи, говяжьей» [43, с. 115]. Необходимо избегать в заключениях следствия и судебного заседания подобных ошибок многозначности понятий и суждений.

Примеры подмены понятий в юридическом познании прослеживаются в сфере исследований уголовного права и уголовного процесса, где указывается на требование соблюдения логического закона тождества. В работе А. В. Наумова, А. С. Новиченко отме-

чается необходимость точно указывать значение понятия «квалификация преступлений» в ходе рассуждений, так как оно может употребляться в двух смыслах: «квалификация как длящийся процесс установления признаков того или иного преступления в действиях лица» и «квалификация как результат деятельности соответствующих органов, официально закрепленный в юридическом акте» [45, с. 27]. Ученый-правовед М. С. Строгович указывал, что в уголовном процессе нельзя подменять или слишком расширять понятие «правильного установления фактов в полном соответствии с действительностью» с понятиями «юридической оценки факта и меры наказания, назначаемой судом», так как последние «связаны с применением норм права» и «зависят от действующего закона в данное время, от отношения судей к рассматриваемому деянию и др.», в то время как понятие «правильного установления фактов» связано с независимостью от судей события преступления и вины совершившего его лица, «являются объективным фактом, который судьи должны установить, познать таким, каковым он имел место в действительности» [51, с. 19]. В работе Ю. Д. Лившица, посвященной вопросам теории доказательств и их правовой регламентации, отмечалось, что в уголовном процессе «от понятия доказательства следует отличать источник доказательств», он подчеркивал, что «смещение понятий доказательства и источника его получения не может иметь места как в теории, так и на практике», а также необходимо иметь в виду «предельно возможную четкость этих важнейших положений в законе» [35, с. 7]. А. А. Тер-Акопов отметил, что ошибки подмены понятий часто характерны для высказываний участников разбирательства по делу – обвиняемых, свидетелей, потерпевших и других лиц, не имеющих юридической подготовки, что «приводит к путанице, неясности, затрудняет выяснение существа дела» [30, с. 17]. Он указал пример подмены понятия «акт», когда смешиваются понятия «акт-документ» и «акт-действие», а также рассмотрел пример подмены понятий «разбой» и «грабеж» в заявлении потерпевшего, показав, что понимание этих понятий у потерпевшего могут быть ошибочным и не основано на законе. Поэтому одной из важных предпосылок правильной квалификации деяний является точное уяснение смысла уголовно-правовых понятий, а для

исключения логических ошибок подмены понятий при рассмотрении дела надо не только «следователю, судье объективно установить обстоятельства преступления», но «разъяснить заинтересованным лицам значение отдельных юридических понятий и вытекающую из этого уголовно-правовую оценку содеянного» [53, с. 125–126]. В работе Э. Анушат «Искусство раскрытия преступлений и законы логики» указано, что нарушением закона тождества в правопознании являются случаи, когда «из-за предрассудка или пристрастия нередко отрицают самые очевидные факты» [5, с. 50].

Другим типом нарушения закона тождества является ошибка подмены тезиса, которая заключается в том, что, доказывая один тезис, в ходе доказательства начинают умышленно или неосознанно доказывать другой тезис, внешне сходный с первым, или приписывать то, чего не говорил оппонент, проponent. Например, желая доказать что-либо несправедливое в моральном смысле, вместо этого доказывают, что это несправедливо в юридическом смысле. Пример подмены тезиса приведен А. А. Тер-Акоповым: «Если, начав доказывать наличие в действиях должностного лица присвоения чужого имущества путем использования служебного положения (ч. 2 ст. 160 УК РФ), фактически доказывается только злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и делается вывод о доказанности хищения, то это будет типичным случаем подмены тезиса при квалификации» [53, с. 127].

Таким образом, явления двусмысленности и многозначности могут приводить к ошибочным выводам и неточностям в правовых рассуждениях и исследованиях, в законодательной деятельности, к неясности и затруднениям в юридической практике при расследовании дел и разбирательстве дел в суде и т.д. Для исключения ошибок, связанных с нарушением закона тождества в правовом познании и практике, во-первых, «нельзя допускать подмену или смешение одного понятия, суждения (тезиса) с другим; во-вторых, нельзя вкладывать в одно и то же понятие или суждение разный смысл, использовать различные определения одного и того же понятия в одном рассуждении»; в-третьих, «нельзя менять предмет рассуждения в ходе логического вывода и доказывания» [43, с. 113–115; 53, с. 125].

Далее, основываясь на понимании значимости принципа тождества в юридическом познании, необходимо указать, что всестороннему рассмотрению принципа тождества была посвящена работа А. В. Наумова, А. С. Новиченко «Законы логики при квалификации преступлений» [45]. Они показали возможность определения квалификации преступления не через категорию соответствия, а через тождество: «Квалификация преступлений представляет собой установление и констатацию тождества признаков совершенного общественно-опасного деяния и признаков уголовно-процессуальной нормы, образующих конкретный состав преступления, предусмотренный Уголовным кодексом, устанавливающим ответственность за это деяние» [45, с. 13, с. 28–30]. Анализ работы показал, что, выделив онтологический и диалектический, гносеологический и логический аспекты квалификации преступлений, ученые пришли к выводу о невозможности применения онтологического тождества к квалификации преступлений, так как норма права и преступное деяние – разнопорядковые вещи: «Норма права – это клеточка права, «правовой материал», а преступное деяние – это внешнее проявление воли виновного, акт его поведения» [45, с. 14]. В диалектическом аспекте при квалификации преступлений, основываясь на различии и тождестве противоположностей и их взаимодействии, сопоставляются единичное и общее, преступное деяние и правовая норма, и «при совпадении главных признаков деяния с признаками, выраженными в правовой норме, делается вывод об их тождестве (квалификация по определенной уголовно-правовой норме)» [45, с. 14–16].

В гносеологическом аспекте при уголовно-правовой квалификации совершается познание истины в процессе перехода от явления – чувственных форм, в которых дается преступный факт, к сущности – понятию преступления, от предположения (совершено ли преступление) к точному знанию (какое именно совершено преступление) как оценочно-познавательный процесс. Рассматривая принцип тождества при квалификации преступлений, ученые показали, что логический аспект, связанный с гносеологическим, заключается в мыслительной деятельности как последовательном выполнении ряда логических действий посредством логических форм

и законов по установлению тождества признаков применяемой уголовно-правовой нормы и квалифицируемого деяния. При этом, с одной стороны, посредством логических форм происходит освоение чувственно данного материала следов преступления и получение необходимого и достаточного логического знания для квалификации деяния, но «не логические формы накладываются на выделенное содержание, а напротив, изучение деяния ведет к формированию юридической оценки деяния»; с другой стороны, квалификация преступлений рассматривается как рассуждение, протекающее «в определенных логических формах, при соблюдении законов логики» [45, с. 25–26]. А. А. Тер-Акопов отмечает: «Сущность закона тождества применительно к квалификации преступления заключается в том, что, доказывая наличие в деянии того или иного состава преступления, необходимо точно знать все признаки этого состава, однозначно их понимать и постоянно иметь в виду именно эти признаки, а не какие-либо другие» [53, с. 125]. Несоблюдение закона тождества может приводить к ошибкам в юридическом познании и практике. В работе Д. А. Гарбатовича, А. Н. Классена, посвященной квалификации преступлений по мотиву и цели, указывается, что одной из причин ошибок в деятельности правоприменителя при квалификации преступлений является «неправильное отождествление имеющегося у виновного мотива и цели при совершении им преступления, с мотивом и целью, закрепленными конкретным составом преступления», что ведет «к необоснованному вменению составов преступлений с квалифицирующими признаками либо, наоборот, вменению составов преступлений без таких признаков при их фактическом наличии» [13, с. 13].

А. В. Кудрявцева подчеркнула необходимость использования логического принципа тождества в юридическом познании как требование определенности в употреблении понятий в теории доказывания: «Очень важно, чтобы в понятийный аппарат теории вводился термин, фиксирующий определенное понятие, каждое понятие должно мыслиться тождественным себе на протяжении всего процесса рассуждения» [34, с. 21]. Отталкиваясь от этого требования, она рассматривает понятие «факт» в философском и в юридическом смыслах в теории доказывания, а также дру-

гие понятия. В работе Е. А. Иванова указано, что с логической стороны «в доказательстве, если оно правильное, закон тождества проявляется в том, что и тезис, и основания сохраняют свою определенность на протяжении всей данной логической процедуры» [20, с. 264]. Значим закон тождества в следственной деятельности при опознании и идентификации, в рассмотрении и разрешении дел в суде, когда «в решении особенно важны точность понятий, их определенность и однозначность, исключаяющие всякую неясность» [20, с. 268].

Закон противоречия в юридическом познании указывает на ложность одного из двух логически несовместимых высказываний: «Не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, одна из них обязательно ложная, а другая – истинная (или ложная). Неверно, что Р и не-Р» [53, с. 128]. Противоречащими будут два следующие суждения: «Война есть продолжение политики. Война не есть продолжение политики» [43, с. 122]. Н. В. Михалкин указывает, что формально-логические противоречия разрушают мысли, затрудняют процесс познания, общения и деятельности юристов и выделяет четыре условия, при которых не будет формально-логического противоречия в суждениях. Во-первых, если утверждать принадлежность предмету одного признака и в то же время отрицать принадлежность этому предмету другого признака: «Все лица, совершившие преступления, вина которых доказана в судебном заседании, подлежат наказанию; «Ни один человек не может быть привлечен к ответственности, если его вина не доказана». Во-вторых, если в суждениях речь идет о разных предметах: «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее 16 лет ко времени совершения преступления»; «Лица, которым до совершения преступления исполнилось 14 лет, подлежат уголовной ответственности за преступления, перечень которых содержится в ч. 2 ст. 20 УК РФ». В-третьих, если отрицать и то же самое утверждать в отношении предмета, но в разное время. В-четвертых, если один и тот же предмет мысли рассматривать в разных отношениях: «Студент Н. хорошо знает английский язык и его знания соответствуют предъявляемым требованиям. Но

его знаний недостаточно для работы в международном суде, то есть студент Н. плохо знает английский язык» [43, с. 118–119]. Значение закона противоречия заключается в том, что он «помогает обнаруживать и устранять противоречия в правовых рассуждениях, вырабатывать критическое отношение к неточностям, непоследовательности в мыслях», «позволяет обнаруживать противоречия в квалификации преступлений, ее неполноту, односторонность», однако необходимо учитывать, что он неприменим «в суждениях, которые касаются различных преступлений, различных признаков составов преступлений или события преступления, взятого в разных отношениях или в разное время» [43, с. 122; 53, с. 127–128]. Нарушение закона противоречия «в процессе собирания и оценки доказательств приводит к ошибочной квалификации преступлений», а его правильное использование «позволяет устранить противоречия в собранных по делу доказательствах, положенных в основу квалификации, правильно оценить противоположные суждения и, в конечном итоге, дать верную уголовно-правовую оценку содеянному» [53, с. 128]. Также указывается недопустимость противоречий в судебных актах: «К числу обстоятельств, по которым приговор признается несоответствующим фактическим обстоятельствам дела, уголовно-процессуальное право относит существенные противоречия, содержащиеся в выводах суда, изложенных в приговоре» [30, с. 19].

Закон исключенного третьего в юридическом познании требует, чтобы два противоречащих высказывания не могли быть одновременно ни истинными, ни ложными, одно из них истинно, другое ложно, и невозможно никакое третье, среднее высказывание. Данный закон в юридическом познании не распространяется на два общих противоположных суждения (все А есть В; все А не есть В), и сферой его действия являются только следующие виды противоречащих высказываний:

а) два единичных суждения – утвердительное и отрицательное; А есть В, А не есть В. Примером противоречия будут следующие пары суждений: «Россия есть федеративное государство. Россия не есть федеративное государство»; «Решение суда основано на законе. Решение суда не основано на законе»;

б) два противоречащих суждения – общее

и частное: А–О, Е–І. Все А не есть В и некоторые А есть В. Все А есть В и некоторые А не есть В. Например, противоречие образуется из следующих пар суждений: «Все преступления являются противоправными деяниями. Некоторые преступления не являются противоправными деяниями»; «Законы, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ. Некоторые законы, принимаемые в Российской Федерации, могут противоречить Конституции РФ»;

в) два противоречащих суждения – общее и единичное. Все А есть В и один А не есть В. Все А не есть В и один А есть В. Пример противоречия: «Все правовые законы суть нормативно-правовые акты. Уголовный кодекс не является нормативно-правовым актом». В словаре Н. И. Кондакова приведен следующий пример противоречия: «Стало быть, по-вашему, убеждений нет? Нет и не существует. Это ваше убеждение? Да. Как же вы говорите, что их нет. Вот вам уже одно» (И. С. Тургенев «Рудин») [31, с. 214].

Н. В. Михалкин отмечает, что поскольку регулятивность закона исключенного третьего состоит в том, что он требует выбора одного из двух противоречащих высказываний как искомой истины, это положение используется в практической деятельности судей, когда ограничивается круг вариантов до альтернативных. Например, на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками из двух противоречащих альтернатив: («все они виновны» или «некоторые из них невиновны») выбор осуществлялся в процессе судебных заседаний, когда обвинения и защита осуществляли открытое состязание [43, с. 125]. Специфика действия данного логического закона в судебной практике обусловлена, с одной стороны, объективностью существования самих объектов рассмотрения, с другой – попытками противоположной стороны скрыть истинность своих намерений и действий. Например, в начале Нюрнбергского процесса «все подсудимые не признавали себя виновными в предъявленных обвинениях, однако доказательствами, представленными трибуналу главными обвинителями, были с полной неопровержимостью установлены их чудовищные преступления против мира и человечности» [43, с. 126]. Ученые-правоведы указывали на возможности умения вскрывать и устранять логические противоречия при

анализе судебных версий. М. С. Строгович отмечал: «При рассмотрении и разрешении уголовного дела все версии должны быть исследованы, проверены. Вывод может быть признан достоверным лишь тогда, когда из всех обстоятельств дела вытекает один, единственный вывод, а иные выводы исключены» [51, с. 32]. Н. В. Михалкин отмечает: «Одно из основных требований, предъявляемых к версии в судебном процессе, состоит в том, чтобы при анализе совокупности фактических данных, на основе которых она построена, эти данные не противоречили друг другу и выдвинутой версии в целом»; обнаруженные противоречия должны стать предметом серьезного внимания судьи, а в случаях, «когда следователь, выдвинув правдоподобную версию, не замечает или игнорирует факты, противоречащие этой версии, продолжая развивать версию вопреки им, кроме логики, нужна воля» [43, с. 127]. Ученые указывают, что при квалификации деяний закон исключенного третьего «нацеливает на поиск ответа на вопрос: содержат ли действия виновного состав данного преступления или нет, является ли данное лицо субъектом преступления или нет, совершено преступление умышленно или нет; событие может быть преступлением или не преступлением» [53, с. 129; 5, с. 50]. Значит, в юридических решениях закон исключенного третьего необходим при квалификации деяний, анализе судебных версий и т.д.

Закон достаточного основания в юридическом познании направлен на обоснованность и доказательность познания, в котором не только утверждается истинность какого-либо положения или вывода, но и указывается фактическое или логическое основание, позволяющее признать это положение или вывод истинным. В логическом словаре Н. И. Кондакова указывается, что «закон достаточного основания выражает требование обоснованности мысли в наиболее общем виде. Вопрос же о специальном характере основания является предметом специальных наук особо в каждом отдельном случае» [31, с. 164]. Поэтому в правовом познании вопрос о том, «какие аргументы, доказательства должны быть положены в основу решений, вырабатывает правовая наука и практика» [53, с. 130]. Понятие обоснованности в специальном юридическом значении рассматривается, например, в связи с вопросами правоприме-

нения. Учитывая положение теории права, что обоснованность обеспечивает качество («добротность») деятельности правоприменительного органа, С. С. Алексеев отмечал, что «требование обоснованности характеризует фактическую основу надлежащего применения права в единстве с требованием законности» [2, с. 596]. П. А. Лупинская указывала, что одной из важных задач теории уголовного судопроизводства является «изучение правовой природы решений в уголовном процессе, требований, предъявляемых к ним» [39, с. 8]. Значит, в сфере уголовного процесса специальный характер основания может рассматриваться в рамках вопроса о требованиях, предъявляемых к приговору суда. Согласно закону (ст. 297 УПК РФ) приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, он признается таковым, если постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении закона.

В работе одного из основоположников науки уголовного процесса М. С. Строговича «Теория судебных доказательств» указывается, что понятия обоснованности и законности приговора суда различаются именно ввиду несовпадения понятия «правильного установления фактов в полном соответствии с действительностью» (фактических обстоятельств дела) и понятия «правильной юридической оценки установленных фактов (и меры наказания, назначаемой судом)» [51, с. 18]. Отмечая, что данные понятия нельзя смешивать, ученый подчеркивал, что «основанием приговора должна быть достоверность утверждаемых судом фактов и доказательств, относящихся к событию преступления, в виновности обвиняемого»; из этого следует, что «вероятность виновности обвиняемого не может служить основанием судебного приговора», и обвинительный приговор «может быть постановлен, когда вероятность превратилась в достоверность, то есть истинность (соответствие действительности). Поэтому достоверность исключает возможность всякого иного решения, вероятность же допускает возможность иного решения» [51, с. 27–31]. Следовательно, в свете закона достаточного основания ориентация на достоверность является значимым фактором, связанным с обоснованностью решений суда («при установлении фактических обстоятельств дела, выделении

юридически значимых признаков и т.д.») [53, с. 131].

В современной юридической литературе учеными прослеживается связь достоверности исследованных доказательств по делу и обоснованности судебного приговора. В работе А. В. Кудрявцевой отмечено, что все стадии уголовного процесса направлены на достоверное выявление предмета доказывания («факты и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам») в той «последовательности, в которой эти обстоятельства используются при аргументации наиболее важных процессуальных решений по делу» [34, с. 48]. П. А. Лупинская о решениях в уголовном судопроизводстве указала: «Требую, чтобы приговор основывался не на «предположениях», а на «совокупности исследованных судом обстоятельств» (ст. 302 УПК РФ), законодатель подчеркивает необходимость обоснованности решения, его достоверности» [39, с. 101]. Коллектив авторов МГЮА приводит положение: «Обоснованность приговора означает, что выводы суда, изложенные в приговоре, соответствуют обстоятельствам дела, подтвержденным совокупностью доказательств, которые исследованы в судебном заседании и признаны судом достаточными и достоверными» [54, с. 663].

Также ученые анализируют специфические особенности обоснованности различных выводов суда. «Если приведенные в приговоре доказательства подтверждают, что суд правильно установил обстоятельства дела и сомнения в истинности выводов суда не возникают, то в таком случае обоснованность приговора означает и его истинность. При отсутствии достаточных доказательств обоснованием позиции суда будет служить наличие неустранимых сомнений в доказательности фактов», что «позволяет сделать вывод в пользу подсудимого как при оправдательном, так и при обвинительном приговоре» [54, с. 663–664]. Таким образом, исследование позволило установить, что изучение обоснованности приговора суда в уголовном процессе опирается на положение о том, что «основание решения составляют два главных элемента: фактический и правовой», соотношение которых «обуславливает обоснованность и законность решения» [39, с. 73]. Также логический закон достаточного основания реализуется в праве при исследовании вопросов

института приостановления производства по уголовному делу: как отмечает А. В. Кочетова, принцип обоснованности предполагает требование к соответствующему должностному лицу «подтвердить правильность принятого им решения совокупностью собранных доказательств» [32, с. 16].

Кроме того, в правовой литературе исследуются необоснованность решений суда и причины этого негативного явления. Необоснованность любых выводов суда ведет к тому, что приговор признается необоснованным: «Необоснованным будет обвинительный приговор, осуждающий невиновного, чья виновность не установлена доказательствами, либо оправдательный приговор, вынесенный при достаточных доказательствах, подтверждающих обвинение» [54, с. 663–664]. Причиной необоснованных приговоров, как отмечала П. А. Лупинская, часто выступает «волютаризм и субъективизм в уголовном судопроизводстве» в силу нарушения соответствия решения суда «тем объективным данным, которыми располагает субъект, принимающий решение» [39, с. 25]. А. А. Тер-Акопов также подчеркивает, что в уголовном процессе причиной ошибок является «ссылка на недостоверные данные на любом этапе квалификации содеянного» [53, с. 130].

Наконец, ученые указывают на взаимосвязь необоснованности и незаконности приговора: необоснованный приговор является и незаконным; если приговор является незаконным вследствие существенных нарушений судом процессуальных норм, то он не признается обоснованным. Поэтому «соблюдение уголовно-процессуальных норм является гарантией того, что решения по уголовному делу, в том числе и по квалификации преступлений, будут достаточно обоснованными» [53, с. 130].

Значит, в теории познания логический закон достаточного основания выражает требование обоснованности и доказательности в общем виде, а правовая наука и практика разрабатывают вопрос об обоснованности и доказательности в специальном юридическом значении. В сфере уголовно-процессуального права вопрос основания рассматривается в рамках требований, предъявляемых к приговору суда; основание решения составляют два главных элемента: фактический и правовой, соотношение которых обуславливает обосно-

ванность и законность решения. И в правовом, и в логическом аспектах принципиальным является положение о том, что основанием приговора должна быть достоверность, а не вероятность утверждаемых судом фактов и доказательств, относящихся к событию преступления, в виновности обвиняемого. Ссылка на недостоверные данные или несоблюдение уголовно-процессуальных норм ведет к необоснованности и незаконности приговора.

Таким образом, имея в виду, как указывала И. Н. Грифцова, что «логика не должна потерять своей практической значимости» [16, с. 4], обобщая значение законов логики в сфере профессионального (практического) познания права, отметим: во-первых, применение законов логики при квалификации преступлений способствует получению определенных, непротиворечивых, обоснованных выводов по делу, а их нарушение приводит к судебным ошибкам, к неправильной юридической оценке деяния; однако нельзя абсолютизировать значение логических законов вследствие необходимости обеспечения «всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, что требует соблюдения полноты расследования и судебного рассмотрения дела, а также положений закона» [53, с. 130–131]. Во-вторых, в судебной практике законы логики, способствуя профессиональному познанию, выступают «средством поиска истины, правильных выводов, обобщений и принятия квалифицированных решений по делу» [43, с. 131]. Закон тождества развивает в правовом познании точность и ясность мышления и изложения, культуру оперирования различными и многозначными терминами; законы противоречия и исключенного третьего развивают умение оперировать сравнениями и навыки анализа противоречий при расследовании дел, рассмотрении и разрешении дел в суде; закон достаточного основания является значимым в связи с обоснованностью уголовной ответственности. Кроме того, учитывая формально-логический характер природы системы права, С. С. Алексеев указывал, что «для понимания норм права должны быть в полной мере использованы логические законы и правила» [3, с. 237].

Подводя общие итоги работы в соответствии с поставленной целью, можно указать, что проведенный анализ работ по философии и методологии научного и правового позна-

ния, историческому познанию права, по логике в общенаучном значении и в применении к праву позволяет сделать следующие выводы. Исследование принципов юридического познания связано с вопросом о философских основаниях науки, являющихся условиями организации, воспроизводства и развития научного знания. В историческом познании права применяются общеправовые принципы: целостного познания мира, индивидуализации, объективности, историзма и детерминизма. Но необходимо соблюдение единства исторического и логического аспектов в правовых исследованиях. Основные законы логики как философские основания юридического познания выполняют гносеологическую и методологическую функции, а также имеют практическое значение: закон тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания. В качестве принципов рационального познания основные законы логики характеризуют определенность, последовательность, непротиворечивость и доказательность в научном и профессиональном (практическом) юридическом познании.

В дальнейшем тема законов и методов логики в юридическом познании может рассматриваться при анализе дефиниций и классификаций, в толковании права, в применении метода дедукции, в связи с вопросами обоснованности и доказательности в теории доказывания.

Литература

1. Абрамовский, А. П. Челябинский областной суд. Люди. События. Факты / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов, Е. А. Вериго. – Челябинск, Изд. Каменный пояс, 2004. – 285 с.
2. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: собр. соч.: в 10 т. / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 3. – 781 с.
3. Алексеев, С. С. Государство и право: собр. соч.: в 10 т. / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 8. – 480 с.
4. Алексеев, С. С. Теория государства и права / С. С. Алексеев. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. – 495 с.
5. Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат. – М.: «ЛексЭст», 2002. – 112 с.
6. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
7. Асмус, В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. – М.: МГУ, 2014. – 392 с.
8. Ахманов, А. С. Логическое учение Аристотеля / А. С. Ахманов. – М.: УРСС, 2002. – 312 с.
9. Баженова, Т. М. История государства и права в подготовке юристов: некоторые проблемы и перспективы / Т. М. Баженова, Н. Н. Зипунникова, А. С. Смыкалин // История государства и права. – 2014. – № 19. – С. 3–6.
10. Беляев, М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: автореферат дис. ... канд. филос. наук / М. А. Беляев. – Воронеж, 2009. – 29 с.
11. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. – М.: ИнФРА-М, 2009. – 858 с.
12. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
13. Гарбатович, Д. А. Квалификация преступлений по мотиву и цели / Д. А. Гарбатович, А. Н. Классен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 13–18.
14. Гарбатович, Д. А. Непреступные деяния в соответствии с уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Д. А. Гарбатович, А. Н. Классен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 18–23.
15. Гетманова, А. Д. Логика для юристов / А. Д. Гетманова. – М.: Омега-Л, 2015. – 380 с.
16. Грифцова, И. Н. Соотношение формальной и неформальной логики: философско-методологический анализ: дис. ... д-ра филос. наук / И. Н. Грифцова. – М., 1999. – 300 с.
17. Евстратенко, Е. В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Евстратенко. – Челябинск, 2004. – 24 с.
18. Загорский, Г. И. У истоков российского уголовного судопроизводства (К 1000-летию Русской Правды) / Г. И. Загорский, Ю. А. Зюбанов. – М.: Проспект, 2017. – 104 с.
19. Замчалова, И. Ю. Теоретико-методологические основания исторических исследований и современная научная парадигма: дис. ... канд. филос. наук / И. Ю. Замчалова. – Саратов, 1999. – 139 с.

20. Иванов, Е. А. Логика / Е. А. Иванов. – М.: Изд. БЕК, 2000. – 357 с.
21. Ивлев, Ю. В. Логика для юристов / Ю. В. Ивлев. – М.: Проспект, 2010. – 272 с.
22. История государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. – Т. 1. – 720 с.
23. История логики / под общ. ред. В. Ф. Беркова, Я. С. Яскевич. – Мн: Новое знание, 2001. – 170 с.
24. Камалова, Г. Т. История отечественного государства и права: учебное пособие / Г. Т. Камалова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – 279 с.
25. Камалова, Г. Т. Направленность перемен в кадровом составе следственного аппарата СССР в условиях новой экономической политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 36–40.
26. Камалова, Г. Т. Некоторые вопросы методологии исследования государственных структур / Г. Т. Камалова // Методологические проблемы юридической науки: сб. материалов семинара. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2011. – С. 54–66.
27. Камалова, Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики: автореферат дис. ... д-ра истор. наук / Г. Т. Камалова. – Челябинск, 2009. – 43 с.
28. Камалова, Г. Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы новой экономической политики / Г. Т. Камалова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 12–18.
29. Керимов, Д. А. Методология права: предмет, метод, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.
30. Кириллов, В. И. Логика / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М.: Проспект, 2016. – 240 с.
31. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 719 с.
32. Кочетова, А. В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кочетова. – Челябинск, 2006. – 28 с.
33. Краковский, К. Предисловие / К. Краковский // Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
34. Кудрявцева, А. В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие / А. В. Кудрявцева. – Челябинск: «Полиграф-Мастер», 2006. – 176 с.
35. Лившиц, Ю. Д. Вопросы теории доказательств и их правовая регламентация / Ю. Д. Лившиц // Сборник науч. трудов. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2004. – С. 6–13.
36. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
37. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд. АСТ», 2000. – Кн. 1. – 832 с.
38. Луканин, Р. К. Органон Аристотеля / Р. К. Луканин. – М.: Наука, 1984. – 303 с.
39. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – М.: Юрист, 2006. – 174 с.
40. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, 2018. – 304 с.
41. Мамардашвили, М. К. Мой опыт нетипичен / М. К. Мамардашвили – СПб.: Азбука, 2000. – 400 с.
42. Мансуров, Г. З. О применении принципа историзма при оценке отечественных правителей-реформаторов (на примере И. В. Сталина) / Г. З. Мансуров // История государства и права. – 2017. – № 22. – С. 13–18.
43. Михалкин, Н. В. Логика и аргументация для юристов / Н. В. Михалкин. – М.: Юрайт, 2016. – 365 с.
44. Мухаев, Р. Т. История политических и правовых учений: учебник / Р. Т. Мухаев. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 694 с.
45. Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М.: Юрлит, 1978. – 104 с.
46. Пермяков, Ю. Е. Философские основания юриспруденции / Ю. Е. Пермяков. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006. – 248 с.
47. Попов, П. С. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения / П. С. Попов, Н. И. Стяжкин. – М.: МГУ, 1974. – 224 с.

48. Сигалов, К. Я. Право и история: методологические функции исторической науки / К. Я. Сигалов // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 22–26.
49. Соколов, В. В. Философия как история философии: учеб.-науч. пособие / В. В. Соколов. – М.: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2012. – 845 с.
50. Степин, В. С. Философия и методология науки / В. С. Степин. – М.: Акад. Проект, АльмаМатер, 2015. – 716 с.
51. Строгович, М. С. Теория судебных доказательств: избр. труды в 3 т. / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1991. – Т. 3. – 300 с.
52. Сырых, В. М. Теория и методология юридической науки / В. М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 464 с.
53. Тер-Акопов, А. А. Юридическая логика / А. А. Тер-Акопов. – М.: ОМЕГА-Л, 2006. – 255 с.
54. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.
55. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
56. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В. И. Герье: материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 24–62.
57. Чистяков, О. И. Избранные труды / О. И. Чистяков. – М.: Норма, 2008. – 415 с.
58. Шершеневич, Г. Ф. Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Изд. МГУ, 2003. – 247 с.
59. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. член-корр. РАН И. Т. Касавина и др. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
60. Вступительное слово член-корреспондента РАН Д. А. Керимова // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1 (2). URL: <https://russianjls.ru>.
61. Evangeliou Christos C. Aristotle and western rationality / Christos C. Evangeliou // Schol. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, Вып. 1. – С. 9–39.

Егорова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: egorovaoa@susu.ru.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2019 г.

DOI: 10.14529/law190309

PRINCIPLES OF LEGAL COGNITION: HISTORICAL AND LOGICAL ASPECTS

O. A. Egorova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper deals with the issues relating to the meaning and functions of the principles of research in legal cognition. The author characterizes different forms of scientific legal cognition. Special attention is given to the consideration of historical and legal research. The author shows that there are important universal principles of cognition in historical and legal research: a principle of objectiveness and a principle of historicism. In the paper the role of logical principles in the structure of legal cognition methodology within the framework of methodological studies in law is discussed. The author argues that there are main logical principles (law of logic), which are used in the scientific legal cognition: law of identity, law of contradiction, law of excluded middle, principle of sufficient reason. It is stated in the paper that main principles of logic, which were elaborated in classical antique philosophy by Aristotle, can be considered as logical reasons of legal cognition and as universal philosophical reasons of the rational scientific legal

research. The author reveals the functions of main logical principles in research of criminal law and criminal proceeding. The author makes a conclusion that universal principles of cognition applied in historical and legal research and main principles of logic realize epistemological and methodological functions in legal cognition.

Keywords: *legal cognition, the forms of legal research, universal principles of scientific cognition, principles historical and legal researches, main logical principles (laws), reason of cognition.*

References

1. Abramovskij A. P., Kobzov V. S., Verigo E. A. *Chelyabinskij oblastnoj sud. Lyudi. Sobytiya. Fakty* [Chelyabinsk Regional Court. People. Developments. Data]. Chelyabinsk, 2004, 285 p.
2. Alekseev S. S. *Problemy teorii pravo* [Problems of legal theory]. Moscow, 2010, Vol. 3, 781 p.
3. Alekseev S. S. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. Moscow, 2010, Vol. 8, 480 p.
4. Alekseev S. S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2011, 495 p.
5. Anushat E. *Iskusstvo raskrytiya prestuplenij i zakony logiki* [The art of solving crimes and the laws of logic]. Moscow, 2002, 112 p.
6. Aristotel. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow, 1975, Vol. 1, 550 p.
7. Asmus V. F. *Logika* [Logics]. Moscow, 2014, 392 p.
8. Ahmanov A. S. *Logicheskoe uchenie Aristotelya* [Logical doctrine of Aristotle]. Moscow, 2002, 312 p.
9. Bazhenova T. M. [History of State and Law in the Training of Some of the problems and prospects]. *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*, 2014, no. 19, pp. 3–6. (in Russ.)
10. Belyaev M.A. *Nauchnoe poznanie prava: genesis i ehpiistemologicheskayaspecificika: avtoref. dis. ... kand. philos. nauk* [Scientific knowledge of law: genesis and epistemological specificity. Author's abstract Diss. Kand (Philosophy)]. Voronezh, 2009, 29 p.
11. Sukharev I. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]. Moscow, 2009, 858 p.
12. Vladimirkij-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Moscow, 2005, 800 p.
13. Garbatovich D. A., Klassen A. N. [Qualification of crimes by motive and purpose] *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarsvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"]*, 2017, T. 17, no. 3, pp. 13–18. (in Russ.)
14. Garbatovich D. A., Klassen A. N. [Non-criminal acts in accordance with the Criminal Code and Correctional Penalties 1845]. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2018, T. 18, no. 1, pp. 18–23. (in Russ.)
15. Getmanova A. D. *Logika dlya yuristov* [Logic for lawyers]. Moscow, 2015, 380 p.
16. Grifcova I. N. *Sootnoshenie formal'noj i neformal'noj logiki: filosofsko-metodologicheskij analiz: dis. ... d-ra philos. nauk* [The ratio of formal and informal logic: philosophical-methodological analysis. Diss. Doct. (Philosophy)]. Moscow, 1999, 300 p.
17. Evstratenko E. V. *Zashchitasvidetelejipoterpevshih v ugolovnomprocesseRossii: avtoref. dis. ...kand. jurid.nauk* [Protection of witnesses and victims in the criminal process in Russia. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Chelyabinsk, 2004, 24 p.
18. Zagorskij G. I., Zyubanov YU. A. *U istokov Rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (K 1000 letiyu Russkoj Pravdy)* [At the root of the Russian criminal proceedings (To the 1000th anniversary of the Russian Truth)]. Moscow, 2017, 104 p.
19. Zamchalova I. YU. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya istoricheskikh issledovanij i sovremennaya nauchnaya paradigma: dis. ... kand. philos. nauk* [Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya istoricheskikh issledovanij i sovremennaya nauchnaya paradigma. Diss. Kand (Phylosophy)]. Saratov, 1999, 139 p.
20. Ivanov E. A. *Logika* [Logics]. Moscow, 2000, 357 p.
21. Ivlev YU. V. *Logica dlya yuristov* [Logic for lawyers]. Moscow, 2010, 272 c.
22. Krashennnikov N. A., Zhidkov O. A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran* [History of State and Law of foreign countries]. Moscow, 2014, Vol. 1, 720 p.

23. Berkov V. F. *Istoriya logiki* [History of logic]. Minsk, 2001, 170 p.
24. Kamalova G. T. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of domestic state and law]. Chelyabinsk, 2015, 279 p.
25. Kamalova G. T. [Orientation of changes in the personnel of the investigative apparatus of the USSR under the conditions of the new economic policy] *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarsvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”], 2016, T. 16, no. 2, pp. 36–40. (in Russ.)
26. Kamalova G. T. *Nekotorye voprosy metodologii issledovaniya gosudarstvennyh struktur* [Some questions the research methodology of state structures]. *Metodologicheskie problem yuridicheskoy nauki: sb. Materialov seminara* [Methodological problems of legal science: Sat. workshop materials]. Chelyabinsk, 2011, pp. 54–66. (in Russ.)
27. Kamalova G. T. *Pravookhranitel'nyye organy Urala v gody novoy ekonomicheskoy politiki: dis. ... d-ra. hist. nauk* [Law enforcement agencies of the Urals in the years of the new economic policy. Author's abstract Diss. Doct. (History)]. Chelyabinsk, 2009, 43 p.
28. Kamalova G. T. [The character of the activities of Soviet advocacy during the years of the new economic policy]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarsvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”], 2015, Vol. 15, no. 3, pp. 12–18. (in Russ.)
29. Kerimov D. A. *Metodologiya prava: predmet, metod, funkcii, problemy filosofii prava* [Methodology law: subject, methods, functions, problems of legal philosophy]. Moscow, 2009, 521 p.
30. Kirillov V. I., Starchenko A. A. *Logika* [Logics]. Moscow, 2016, 240 p.
31. Kondakov N. I. *Logicheskij slovar'-spravochnik* [A logical dictionary-reference]. Moscow, 1975, 719 p.
32. Kochetova A. V. *Aktual'nye voprosy institute priostanovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu: avtoref. dis. ... kand. jurid.nauk* [Topical issues of the institute for the suspension of criminal proceedings. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Chelyabinsk, 2006, 28 p.
33. Krakovskij K. *Predislovie* [Preface] Vladimirsky-Budanov M. F. Overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don, 1995, 640 p.
34. Kudryavceva A. V. *Teoriya dokazyvaniya v yuridicheskom processe* [Theory of evidence in the legal process]. Chelyabinsk, 2006, 176 p.
35. Livshits YU. D. *Voprosy teorii dokazatel'stv I ikh pravovaya reglamentatsiya* [Questions of the theory of evidence and their legal regulation]. Chelyabinsk, 2004, pp. 6–13.
36. Ivin A. A., Pereverzev V. N., Petrov V. V. *Logicheskij slovar': DEFORT* [Logical dictionary: DEFORT]. Moscow, 1994, 268 p.
37. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya* [The history of ancient aesthetics. The results of the millennial development. In 2 books]. Kharkiv, Moscow, 2000, Kn. 1, 832 p.
38. Lukanin. R. K. *Organon Aristotelya* [Organon of Aristotle]. Moscow, 1984, 303 p.
39. Lupinskaya P. A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. Moscow, 2006, 174 p.
40. Mamardashvili M. K. *Lekcii po antichnoj filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. St. Petersburg, 2018, 304 p.
41. Mamardashvili M. K. *Moj opyt netipichen* [My experience is not typical]. St. Petersburg, 2000, 400 p.
42. Mansurov G. Z. [On the application of the principle of Istorism in the evaluation of domestic rulers and reformers (by the example of I. V. Stalin)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2017, no. 22, pp.13–18. (in Russ.)
43. Mikhalkin N. V. *Logika I argumentatsiya dlya yuristov* [Logic and argumentation for lawyers]. Moscow, 2016, 365 p.
44. Muhaev R. T. *Istoriya politicheskikh I pravovykh uchenij* [History of political and legal doctrines]. Moscow, 2015, 694 p.
45. Naumov A. V., Novichenko A. S. *Zakony logiki pri kvalifikatsii prestupleniy* [The laws of logic in the qualification of crimes]. Moscow, 1978, 104 p.

46. Permyakov YU. E. *Filosofskie osnovaniya yurisprudencii* [Filosofskiye osnovaniya yurisprudentsii]. Samara, 2006, 248 p.
47. Popov P. S., Styazhkin N. I. *Razvitie logicheskikh idej ot antichnosti do ehpoi Vozrozhdeniya* [Development of logical ideas from antiquity to the Renaissance]. Moscow, 1974, 224 p.
48. Sigalov K. YA. [Law and History: Methodological Functions of Historical Science]. *Istoriya gosudarstva I prava* [History of State and Law], 2011, no. 7, pp. 22–26. (in Russ.)
49. Sokolov V. V. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as the history of philosophy]. Moscow, 2012, 845 p.
50. Stepin V. S. *Filosofiya I metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow, 2015, 716 p.
51. Strogovich M. S. *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv* [Theory of judicial evidence]. Moscow, 1991, Vol. 3, 300 p.
52. Syryh V. M. *Teoriya I metodologiyay uridicheskoy nauki* [Theory and methodology of jurisprudence]. Moscow, 2014, 464 p.
53. Ter-Akopov A. A. *Yuridicheskaya logika* [Legal logic]. Moscow, 2006, 255 p.
54. Lupinskaya P. A., Voskobitova L. A. *Ugolovno-protsessual'noye pravo Rossiysky Federatsii* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. Moscow, 2013, 1008 p.
55. Iwin A. A. *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2004, 1072 p.
56. Filosofsko-metodologicheskiye proyekty russkikh istorikov i sovremennyye problem metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu V. I. Ger'ye. Materialy konferentsii – «kruglogo stola» [Philosophical and methodological projects of Russian historians and modern problems of the methodology of historical knowledge. To the 180th anniversary of V. I. Ger'e. Conference materials – “round table”]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], 2017, no. 9, pp. 24–62. (in Russ.)
57. CHistyakov O. I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, 2008, 415 p.
58. Shershenevich G. F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [The science of civil law in Russia]. Moscow, 2003, 247 p.
59. Kasavin I. T. *EHnciklopediya ehpiistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, 2009, 1248 p.
60. *Vstupitel'noeslovochlen-korrespondenta RAN Kerimova D. A.* [Opening remarks corresponding member of RAS Kerimov D. A.]. *Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian journal of legal studies]. 2015, no. 1 (2). Available at: [https:// russianjls.ru](https://russianjls.ru).
61. Evangelidou Christos C. [Aristotle and western rationality]. *Schole. Filosofskoe antikovedenie I klassicheskaya tradiciya* [Schole. Philosophical classics and the classical tradition], 2016, Vol. 10, Issue 1, pp. 9–39.

Olga Anatolyevna Egorova – Senior Lecturer of the Department of Professional Training and Management in Law Enforcement, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: egorovaao@susu.ru.

Received 7 June 2019.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Егорова, О. А. Принципы юридического познания: исторический и логический аспекты / О. А. Егорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 47–66. DOI: 10.14529/law190309.

FOR CITATION

Egorova O. A. Principles of legal cognition: historical and logical aspects. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 47–66. (in Russ.) DOI: 10.14529/law190309.